

НАТАЛЬЯ САУРИНА

В каждой
шутке
есть доля
шутки...

Наталья Дмитриевна Саурина

В каждой шутке есть доля шутки...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74322356

В каждой шутке есть доля шутки...

ISBN 978-5-00269-619-2

Аннотация

Перед вами замечательная книга, написанная народным, легким языком. Рассказы, частушки, поговорки здесь яркой и веселой радугой рвутся навстречу. Автор поставил целью поднять настроение читателю, рассказать ему с радостью и грустью, а порой и сквозь слёзы интересные случаи из жизни. Юмор плещется в строках книги. Ему здесь не тесно, а уютно и тепло, как коту на печке. Юмор – сложный феномен, который занимает важное место в нашем культурном пространстве, выполняя различные социальные, психологические и культурные функции.

Наталья Дмитриевна смело берется за это новое для неё направление в творчестве и блестяще справляется с задачей. Сквозь призму её рассказов, стихов и частушек невольно вспоминаешь и свои детство, юность, да вообще вся жизнь пролетает перед глазами. Книга Н. Д. Сауриной способствует формированию культурной идентичности русского человека,

укреплению социальных связей разных поколений, помогает адаптироваться к происходящим в стране изменениям.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	7
Диалог с читателями	10
Шутки детства	13
Велисапед	14
«Секрет»	17
Фигурное катание	21
Первое сентября	23
Как я из двоечницы стала пятерочницей	28
Лерун Рифович	32
Как становятся писателями	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

**Наталья
Дмитриевна Саурина
В каждой шутке
есть доля шутки...**

Оно бы, конечно, что ж? Но и не без того ж! А вот возьмём такой случай – вот тебе и пожалуйста!

(Из подслушанного)

Оно бы, конечно, ничего, если бы кабы что... А оно не токмо что, а прямо почём зря!

(Из подслушанного)

© Саурина Н.Д., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Предисловие

Дорогой читатель! Перед тобой замечательная книга, написанная народным, легким языком. Рассказы, частушки, поговорки здесь яркой и веселой радугой рвутся навстречу. Автор поставил целью поднять настроение читателю, рассказать ему с радостью и грустью, а порой и сквозь слёзы интересные случаи из своей жизни. Юмор плещется в строках книги. Ему здесь не тесно, а уютно и тепло, как коту на печке. Юмор – сложный феномен, который занимает важное место в нашем культурном пространстве, выполняя различные социальные, психологические и культурные функции. Наталья Дмитриевна смело берется за это новое для неё направление в творчестве и блестяще справляется с задачей. Это не просто шутки и смех. Сквозь призму её рассказов и стихов, частушек и высказываний мы узнаем ценности, нормы и противоречия на разных этапах жизненного пути автора. Невольно вспоминаешь и свои детство, юность, да вообще вся жизнь пролетает перед глазами. На мой взгляд, книга Сауриной Натальи Дмитриевны способствует формированию культурной идентичности русского человека, способствует укреплению социальных связей разных поколений и помогает адаптироваться к происходящим в стране изменениям.

Читатель откроет для себя много нового и интересного. Например, «Для «секрета» надо было в укромном уголке

двора выкопать маленькую ямку, выложить её фольгой от шоколадки, сверху положить черепочек от красивой разбитой чашки или блюда и накрыть всю эту Красоту стёклышком». «В каждой шутке есть доля шутки... А вот возьмём такой случай – вот тебе и пожалуйста!»

Автор открывает тайну рождения своего таланта, что именно бабуся приучила совсем еще маленькую девочку интересно и открыто писать о жизни. Не стесняясь, признается, что только «спустя много лет поняла, что жить надо только здесь и сейчас, что ничего не надо откладывать на потом, всё надо делать сразу. Потому что потом будут совершенно другие обстоятельства жизни, другие проблемы и другие цели». Дает полезный совет по уходу за обувью, что туфли надо хранить в холодильнике вместе с деликатесами.

Читая книгу, невольно сравниваешь строки с неповторимым шумом прибоя, который был лучшей музыкой природы для автора.

*«Вечер, смейся! Пой, луна!
Осень! Вальс танцуй!
Как прекрасен и велик
Первый поцелуй...»*

Как тут обойтись без красавца капитана. И он был. Но должно было пройти много-много лет, чтобы, наконец, автор поняла, зачем капитан приглашал её есть чёрную икру в своей красивой каюте в её двадцать лет!

«Говорят, любовь приносит лишь страдания, муки, боль. Говорят, она заразна, как болезнь. Ну вроде корь. Говорят, как заболеешь, так ни доктор и ни врач От замужества-женитьбы не спасет. Ну, хоть ты плачь».

Настоятельно рекомендую эту книгу к прочтению. Наслаждайтесь калейдоскопом шуток и житейской мудрости. Юмор и смех, дорогой читатель, гарантирую. А мне пора прощаться с вами.

«Прости, друг! Наташа ночевала у меня. Слава».

Член Московского областного отделения Союза писателей РФ, член Союза журналистов РФ, *к.э.н., доцент и баянист* – **Вячеслав Васильевич Слезко**

Диалог с читателями

Дорогие мои читатели! Хочу вам объяснить, что подвигло меня на написание этой книги. А то, что в жизни стало очень мало доброты, идущей от человека к человеку. Люди кинулись служить Золотому Тельцу, а это дорога в Никуда. А главное – это служение привнесено извне. Русь всегда жила соборно! Русские купцы ещё в позапрошлом веке говорили: «Прибыль превыше всего, а Честь дороже прибыли!».

Особенно меня заботит Наша Молодёжь, обучению и воспитанию которой я посвятила всю свою жизнь. Для многих из них деньги становятся первоосновой жизни. Как результат, разговоры о том, что каждый труд должен обязательно оплачиваться. Кто же это оспаривает?! Но я из другого поколения, из «совков». Мы оказывали и оказываем друг другу любую помощь бесплатно, просто по дружбе. Я до сих пор всё делаю бесплатно. В результате молодые люди пропускают саму жизнь. Они ещё не поняли, что деньги ничего не решают, кроме удовлетворения бытовых потребностей.

Психически здоровому человеку не нужен золотой унитаз, двадцать машин премиум-класса и пять яхт. Психически полноценный человек при наличии больших денег направляет эти деньги на службу людям и оставляет память о себе на века, как это делает Сергей Николаевич Галицкий – почётный гражданин Краснодара.

Человеку по существу надо очень немного: крыша над головой, тёплый дом, горячая еда в достатке, чистая, сухая постель. Конечно, я упрощаю. Нет, нет, я не «синий чулок»! Я ни в коем случае не отрицаю комфорт, вкусную еду, развлечения, красивые вещи. Но не в этом жизни суть. Главное в жизни – это общение Души с Душой! И это общение должно быть добрым. Доброта должна идти от сердца к сердцу. Люди должны дарить друг другу тепло сердец своих, если они люди.

Мои нехитрые, коротенькие рассказы не вызовут у вас гомерического хохота, как иногда бывает при просмотре телевизионных передач. Они вызовут только улыбку. Но, как известно,

«От улыбки хмурый день светлей,

От улыбки в небе радуга проснётся»

(М. Пляцковский)

Не забывайте, что чувство юмора – это составная часть чувства собственного достоинства. А самоирония – это самая большая ваша защита.

Все ситуации в моих рассказах взяты из жизни, это сама жизнь, а она такая многогранная.

Если после прочтения моей книги у вас поднимется настроение и захочется дальше жить и созидать, значит цель моя достигнута. И обязательно придумайте что-нибудь Хорошее и отдайте это Хорошее людям! Спешите делать Добро, а то вы можете не успеть!

Желаю всем нам Мира во всём Мире! Желаю вам всем счастья и светлой радости! Пусть хранит вас Господь в добром здравии многая и благая лета!

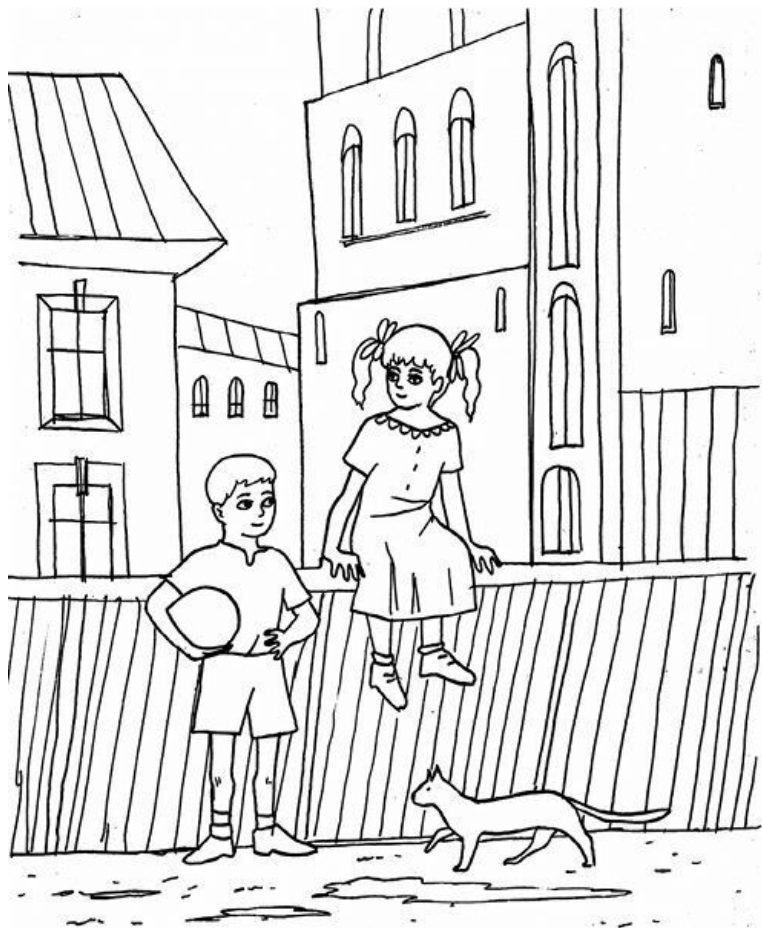
Надеюсь, вы оцените старания двух известных художников-карикатуристов, двух Владимиров – Мочалова и Солдатова, которые трудились над обложкой и титулом к этой книге.

И обязательно обратите внимание на рисунки талантливой художницы Полины Горбуновой, которая оформила эту книгу.

Автор

*Моему верному другу Светлане Николаевне
Семиган, поддерживающей меня и в горе, и в
радости, с любовью и благодарностью посвящаю*

Шутки детства

Велисапед

*Когда мне было восемь лет,
Мечтал я лишь о том,
Чтоб небольшой велосипед
Ко мне вкатился в дом.*

Сергей Михалков

Я так мечтала, чтобы у меня был такой же велисапед, как у моей подруги по двору Флюры. И родители сказали, что как только мне стукнет шесть лет, так они его мне и подарят. И как только стукнуло, так сразу и подарили, прямо в день рождения. Новенький, блестященький, двухколёсный, такой же, как у Флюры. Только у Флюры он был синенький, а у меня красенький.

И какой же он был красивый! Он сиял и блестел всеми своими железненькими трубочками, кругленьким звончком. От колёсиков вкусно пахло как будто гуталином. А спицы у колёсиков так лучисто сверкали, что напоминали солнышки. Он был даже лучше, чем у Флюры!

Папа вынес мне велисапед во двор. Я стояла рядом с папой и очень гордилась и папой, и велисапедом. Я вертела головой во все стороны, мне очень хотелось, чтобы все увидели моё счастье. И тут во двор вышла Флюра со своим синеньким велисапедом. Флюрин мне показался каким-то уже старым, облезлым: колёса были грязными, а железные трубочки

все исцарапаны.

И тут Флюра увидела нас троих – и меня и папу, и велисапед. Она громко заревела и уныло поплелась домой, волоча за собой своего старого синего друга. А мне совсем расхотелось кататься во дворе, и я попросила папу унести домой моё сокровище.

Целую неделю вечером, когда папа приходил с работы, мы шли с ним на скверик в конце Домниковки, и он учил меня кататься на велисапед. Я изо всех сил крутила ногами педали, усердно смотрела вперёд и ехала, а папа бежал рядом и держал мой велисапед за седло. Я ничего не боялась, ведь папа был рядом!

И вот в конце недели я так осмелела, что крутила педали и не усердно смотрела вперёд, а глазела по сторонам, где было много чего интересного. А чего бояться-то? Ведь папа был рядом. И вот, проехав так два круга вокруг большой красивой клумбы и начав третий круг, я увидела папу на противоположной стороне клумбы. Я до смерти испугалась, задёргалась ногами, педали завертелись куда попало, и я со всего маху ляпнулась на дорогу, разбив нос и разодрав колени. Я даже не ревела, а только очень сильно страдала от удивления на папино предательство.

На следующий день, когда папа пришёл с работы и позвал меня кататься на велосипеде, я, всё ещё дрожащая от вчерашнего страха, наврала, что у меня сильно хромот коленка.

Больше я на свой новенький, блестященький, красенький, двухколёсный, такой же, как у Флюры, велосипед так и не села.

«Секрет»

*«Взрослые никогда ничего не понимают сами,
а для детей очень утомительно без конца им всё
объяснять и растолковывать».*

Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц»

Мне очень-очень хотелось, чтобы у меня, как и у всех ребят во дворе был «Секрет». Для «секрета» надо было в укромном уголке двора выкопать маленькую ямку, выложить её фольгой от шоколадки, сверху положить черепочек от красивой разбитой чашки или блюдца и накрыть всю эту Красоту стёклышком. А потом с восторгом показывать «Секрет» своим самым лучшим подругам. Это надо было делать обязательно тайно, чтобы никто твой «Секрет» не разорил, потому что все ребята во дворе охотились за чужими «Секретами».

Стёклышко я нашла быстро, у соседей на втором этаже разбилось окно и во дворе валялось много стёкол разного размера. Добыть фольгу от шоколадки было сложнее, потому что я любила только карамельки, и их мне покупала мама, а папа, приходя ко мне на побывку, всегда приносил самый дорогой шоколадный набор с оленем на коробке, фольги там не было. Однажды, урвав момент, тайно от бабуси, которая всё время следила за мной из окон нашей квартиры на третьем этаже, я добежала до помойки и быстро порылась в му-

соре. Мне очень повезло, я откопала там фольгу. Теперь дело было только за черепочком от красивой чашки. Добежать до помойки второй раз я не решалась, если бы это увидела бабуся, мне бы не поздоровилось.

Тогда я решила добыть черепок у нас дома. Дома было много красивых чашек, но самые красивые были голубые с выпуклыми золотыми виноградинами на ажурной подставочке. Их всегда подавали гостям на Пасху. Бабуся рассказывала, что это был кузнецовский фарфор. Сервиз им на свадьбу с первым мужем Иваном Васильевичем подарили его родители. Бабуся очень дорожила этим сервизом. Это была память о её покойном Ванечке. Мне он тоже очень нравился. Лучшей Красоты было не найти. Я достала из горки тончайшую голубую чашечку и вроде как нечаянно уронила её на пол. Чашка к моему удивлению не разбилась. Я собралась повторить попытку, но тут из кухни пришла бабуся и застала меня врасплох. С перепугу я резко поставила чашечку в горку на вторую полку, где и было её место, резко отдёргнула руку, и все чашки, которые стояли на первой полке полетели на пол. К счастью, одна из них разбилась. Она тоже была очень красивая – красная с золотом, но не настолько, как голубая. Она тоже была из кузнецовского фарфора. Пока бабуся ходила за веником, я выбрала подходящий для «Секрета» черепочек и спрятала себе под подушку. Припасённые стёклышко и фольга с помойки там уже лежали.

Ночью я спала плохо, всё никак не могла дождаться зав-

трашнего дня, когда меня выпустят на улицу, и я смогу закопать свой «Секрет». Для этого надо было незаметно для бабуси вынести черепочек, стёклышко и фольгу во двор. Утром мне удалось запрятать свои драгоценности в карман пальтишка, завернув их в носовой платок. И как только мне разрешили идти гулять, я вылетела во двор.

Меня переполнял восторг, душа ликовала, и я не смогла скрыть своего счастья от лучшей подруги Тани Перепёлкиной. Мы с ней решили, что у нас «Секрет» будет теперь общий и пошли выкапывать ямку под Таниным окном. Мы решили, что это самое надёжное место, потому что Таня жила в подвале, её мама почти всегда была дома, и если бы кто-нибудь начал мельтешить перед их окнами, то ему бы здорово попало от Таниной мамы – строгой тёти Маруси.

Мы выкопали ямку, выложили фольгой, по очереди разглаживая её, положили черепочек Красотой вверх, накрыли стёклышком и стали любоваться. Любовались долго!!! Засыпали стёклышко землёй, потом листвой, сверху бросили какую-то тряпку, которая валялась рядом, чтобы не потерять место с «Секретом».

И когда мы совершенно счастливые и удовлетворённые выпрямились и оглянулись, то увидели нашего соседа Серёжку Болдырева. Серёжка плотоядно осклабился, заржал степным конём, скакнул вперёд, отпиннул тряпку и с диким гоготом начал каблуком своего грязного ботинка давить наш «Секрет». Через минуту всё было кончено! Красивый че-

репочек был безжалостно раздавлен и превращён в мелкие осколки, в которых не проглядывалась уже никакая красота. Серёжка быстро ретировался, а мы с Таней обнялись и заревели. Потом мы два часа (столько полагалось гулять) ходили с ней под ручку по двору и, не переставая, ревели в голос.

Слёзы мы вытерли только тогда, когда нас стали загонять домой, потому что взрослым нельзя было рассказать про наше Горе.

Да и что они понимают, эти взрослые?!!

Фигурное катание

Все ребята из нашего двора на Домниковке катались на коньках. Каток заливали прямо во дворе, под окнами нашей квартиры, которая находилась на третьем этаже. И я с завистью смотрела на ловкие виражи, которые ребята выписывали на льду. Мне очень захотелось туда, к ним. И мама купила мне заветные коньки.

И вот в один прекрасный зимний солнечный день бабуся нацепила на меня ботинки с коньками, и мой сосед и одноклассник Серёжка Болдырев вывел меня на лёд. На катке в это время был только один Сашка Воронцов по прозвищу «Ворона». Они с двух сторон подхватили меня под руки, и мы понеслись по голубому льду.

Я ликовала от счастья. О виражах я, конечно, не мечтала. Но Сашка с Серёгой здорово возили меня по катку, как козу на верёвке, это было так лихо и так весело, что я раз мечталась о будущем фигуристки. Потом мы все озябли, и Серёга заволок меня в коньках на третий этаж, чтобы сдать бабусе.

На следующий день бабуся снова нацепила на меня ботинки с коньками, и я поплелась в них по лестнице с третьего этажа.

Серёги ни дома, ни на катке не было, «Вороны» тоже. И вообще на катке в этот час не было никого. Лишь одна «фигуристка» – Я! Я вышла на лёд и сразу больно упала. Потом

с трудом поднялась, сделала два шага и упала вновь. Повторив попытку еще пару раз, я вползла в подъезд, вкарабкалась на третий этаж и с рёвом пошла в квартиру за утешением к бабусе.

Так навсегда закончилось моё фигурное катание. Я тогда ещё не знала, что научиться выписывать виражи можно только после тяжёлых многодневных тренировок, после взлётов и падений, без которых никогда и ничего нельзя достичь.

Первое сентября

Я хорошо помню утро того первого сентября, когда меня впервые мама и бабуся собирали в школу. Они долго меня одевали, поправляли, одергивали и отряхивали, и наконец, выпустили из дома. И я в состоянии восторженного ликования в сопровождении бабуся отправилась учиться. Я несла новенький портфель, с чистыми и вкусно пахнущими тетрадками, бабуся – огромный букет гладиолусов. Светило Солнце и Весь Мир праздновал этот день!

Проходя мимо булочной, бабуся сказала, что мне надо купить булочку, так как в школе я могу проголодаться. Зашли! Купили! Но тут от моего бесконечного восторга или ещё почему-то развязался белый мудрёный капроновый бант на кошице. Бабуся принялась перевязывать его, на что ушло немало времени. Потом мы долго переходили улицу, чтобы перейти её по всем правилам и не попасть под машину и, наконец, добрались до школы.

Линейка уже закончилась. Мы опоздали!!! Ребятишки

разошлись по классам, и я не знала, куда мне идти. На счастье, к нам подошёл взрослый дяденька – десятиклассник и сказал, что проводит меня до моего класса. Он взял у меня портфель, у бабуси букет гладиолусов, и я в немом восторге пошла за ним, держа в руках купленную бабусей калорийную булочку. Подведя меня к двери моего класса, десятиклассник отдал мне портфель и букет и сказал: «Ну, вот твой класс. Иди!»

Я вконец оробела. Портфель был невыносимо тяжелый, букет непреподъёмный, булочка ужасно мешала. Я одиноко металась под дверью класса, подметая букетом пол, и боялась войти. Вдруг дверь отворилась, больно стукнув меня по лбу. В коридор выглянула учительница и сказала: «Опоздала? Заходи!»

Наташа Саурина в лето перед школой

Я вволокла в класс свои пожитки, с трудом вывалила букет на учительский стол и села за последнюю парту, не выпуская из руки булочку. В это время в класс вошел проверяющий, и учительница сказала ему: «У нас все, кроме Сауриной. Саурина не пришла». А я сидела смирно и боялась сказать, что Саурина – это Я!

С тех пор прошла Целая Жизнь! Я окончила школу, институт, аспирантуру и много чего еще. Я читаю лекции на больших потоках и успешно провожу творческие вечера в больших залах. Я считаю себя сильной и смелой женщиной. Но в душе я так и осталась той робкой маленькой девочкой с булочкой в руке, для которой букет гладиолусов был непосильной ношей. Кстати, булочки я обожаю и по сей день. Вот так и живу!

Как я из двоечницы стала пятерочницей

Когда я была совсем маленькой, то никогда не ходила в детский сад. А когда подросла, то никогда не бывала в пионерском лагере. Я всё время была с бабусей (Светлая ей память!), которая меня учила всему, воспитывала, наставляла. Я была домашней девочкой, дикой, необщительной. Поэтому школа оказалась для меня большим стрессом. Каждый день, отправляясь в школу, я совершала огромный личный подвиг – преодоление себя. Не ходить в школу было нельзя, неучем станешь. Я это очень хорошо понимала. Но учиться страсть как не хотелось.

Наша учительница, если мне не изменяет память, Смирнова Людмила Сергеевна, была очень строгой. Она всё время рыкала на учеников, и я её воспринимала, как кролик удава. Сидя на уроке, я её беспрестанно боялась. Сидела я на последней парте, где положено было сидеть двоечникам, потому что первого сентября, опоздав на линейку, уселась туда сама. И была я двоечницей, потому что, когда учительница Смирнова меня о чём-нибудь спрашивала, я не понимала вообще никаких её слов, а только помирала со страху. И, ничего не ответив учительнице, получала два.

Невозможно даже передать, как за мои двойки переживала моя бабуся, которая каждый день приходила в школу

встречать меня после уроков. И вот в один замечательный день она встретила в нашей школе Глафиру Сергеевну Фирсову, которая учила бабусиноного сына – моего дядю Виталия. Виталий ушёл добровольцем на фронт, имея бронь, и погиб в первом же бою. Было ему девятнадцать лет! Бабуся с Глафирой Сергеевной вспоминали Витальку с большой любовью, обе плакали. А потом Глафира Сергеевна и спросила бабуся, что она делает в школе. «Да вот, внучку встречаю. Так она меня расстраивает – двоечница! Никак не пойму, в чём дело, девка-то она у нас умная» – ответила бабуся. И тут Глафира Сергеевна предложила перевести меня в её класс (она тоже работала в начальной школе), что бабуся и сделала.

Жизнь моя резко изменилась. Глафира Сергеевна была очень ласкова со мной, я её ну ни капельки не боялась и начала внимать учёбе. Даже сделалась отличницей. Я больше не совершала огромный личный подвиг, собираясь в школу, а шла туда с удовольствием. Учиться мне теперь нравилось. Сидела я за первой партой в среднем ряду. Парта стояла рядышком со столом учителя. Но школьная жизнь моя всё равно не была чистым мёдом. Прямо за мной за второй партой сидел двоечник Витька Степанов, который всё время вертелся и баловался. Глафира Сергеевна специально посадила его поближе к себе, чтобы вовремя тормозить его баловство. И вот, когда Витька совсем уже «выходил из берегов», Глафира Сергеевна брала длинную линейку и стучала ею Витьку по башке. Но Витька всегда успевал пригнуться, и линейкой по

башке доставалось всё время мне. Правда, в утешение, Глафира Сергеевна говорила мне: «Извини, Наташа!» А я сидела с полными слёз глазами. Нет, это было не больно, но было очень обидно. За что?

И ещё была одна особенность моего сидения за первой партой. Глафира Сергеевна всегда брала мою ручку, чтобы что-то записать и по рассеянности никогда не возвращала. Ручки в те годы были перьевые, и на каждой парте в специальное отверстие была вставлена чернильница-непроливайка. Если её повернуть дыркой вниз, чернила всё равно не проливались. Мы, конечно, постоянно проверяли эту волшебность чернильницы. А вдруг да прольётся? Нет, не проливалась. Так вот, я каждый день приходила в школу с двумя-тремя ручками в портфеле, а возвращалась без единой. Попросить Глафиру Сергеевну вернуть мне ручку, я не смела. И родители смиренно покупали мне эти ручки десятками. Потом бабуся как-то намекнула Глафире Сергеевне на этот ручковый беспредел и мою несмелость. Глафира Сергеевна рассмеялась и сказала: «А я никак не пойму, откуда у меня в учительской оказывается столько ручек». И стала ручки мне возвращать.

Всё теперь было бы хорошо в моей школьной жизни, если бы не один предмет – мука смертная – чистописание. Никак я не могла с ним справиться и получала всегда четвёрку. Я так старалась написать красиво, так нервничала, что рука начинала дрожать и красиво не получалось.

Вот так начинались «мои университеты». Потом в школе было много других событий и впечатлений, но эти врезались в память на всю жизнь. И несмотря на негативный опыт первых школьных дней, училась я потом тоже всю жизнь. Помню, я только что получила диплом в институте и зашла к папе. Он мне протянул две толстые тетради по сорок восемь листов и сказал: «Вот возьми, тебе пригодятся». «Зачем? Я ведь уже окончила институт», – ответила я. Опрометчиво ответила. Потому что после института я не училась только два года. Потом начала учиться в аспирантуре, а дальше пошло-поехало. Жена моего двоюродного брата Славы Белла Саурина даже говорила мне: «Это у тебя заболевание такое – надо всё время учиться!» И чему я только не училась за свою жизнь: искусствоведению, танцам, музыке, педагогическому мастерству, бухгалтерии, волеологии, физиологии, знахарству, не говоря уже о разных «измах». Училась даже в школе «Женское очарование», прошла там две ступени. А ещё вязанию, шитью, вышиванию, кулинарии.

А с утверждением, что учение сокращает нам опыты быстротекущей жизни, я не согласна. Нет! Продлевает!

Лерун Рифович

В нашем классе я была самой маленькой. И на физкультуре, когда наш класс выстраивался в одну шеренгу, я стояла самой последней. Ну, не вышла я ростом, что ж теперь?! Наш учитель физкультуры Лерун Рифович за это меня очень жалел и на уроках физкультуры делал мне всяческие поблажки. Когда все должны были по канату, который был закреплён на потолке, дотянуться до этого самого потолка, от меня требовалось только взгромоздиться на канатный узел, который дрягался выше моей головы. Кто-нибудь из наших мальчишек – Игорь Монастырский или Серёга Болдырев подтаскивали к канату табуретку, и я залезала сначала на неё, потом на канатный узел. А дальше... Мне дозволялось единственной во всей школе качаться на этом канатном узле взад-вперёд. И когда я «накачивалась» подходил Лерун Рифович и снимал меня с этого узла.

Когда надо было пройти по гимнастическому бревну, которое было закреплено довольно высоко, то те же мальчишки приносили ту же табуретку, я залезала с её помощью на бревно, потом кто-то из них или оба подавали мне руку и я «принцессой» шла по бревну. К гимнастическим брусьям и кольцам меня вообще не подпускали.

Прыжки в высоту я делала наоборот. Верёвка, через которую надо было прыгать, была где-то на уровне моего носа,

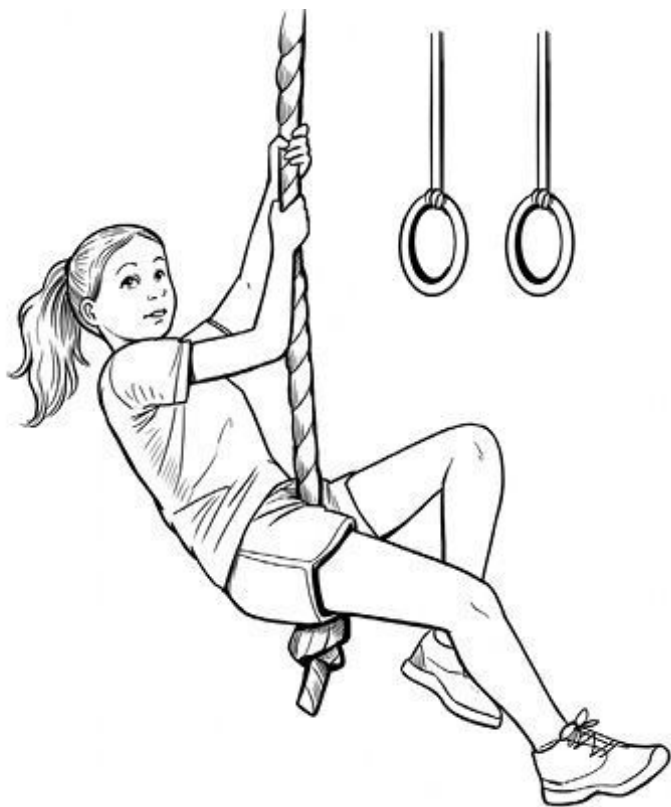
поэтому взять эту высоту я, ну, никак не могла. Я подбегала к верёвке и, поднырнув под неё, растягивалась на матах, которые были специально постелены, чтобы никто сильно не ушибся при падении.

Все эти снаряды я «проходила» легко, мне даже нравилась такая физкультура. А Лерун Рифович, после моих спортивных потуг, ставил мне в журнал неизменную тройку, которой я была очень рада. Отличницей я никогда не была, характер не тот.

Камнем преткновения был для меня гимнастический козёл. На него с табуретки залезть было невозможно. А от меня требовалось не перепрыгнуть через козла, а только на него заскочить и сесть верхом. А потом Лерун Рифович меня с этого козла благополучно снимал. Но легко сказать – заскочить. Чтобы это сделать, я разбегалась за «километр», неслась, развивая скорость (уж, как могла!) и потом остервенело вскакивала на козла. Иногда мне это даже удавалось.

Игра в баскетбол! Класс делился на две команды. Лерун Рифович всегда делал так, чтобы в одной команде оказывалась я, а в другой Гера Мишанин – мальчик невысокого роста и сублильного телосложения. Но он был, конечно, намного выше меня. Учитель ставил мне задачу – бегать и мешать Геру. Подножки Гере я, конечно, не ставила, понимая, что это подло. Но всё время путалась у него под ногами. Однажды Гера мне сказал: «Что ты всё время около меня вертишься? Я боюсь на тебя наступить! И когда только ты вырастешь?»

Я же не могла сказать Гере, что у нас с Учителем такой тайный стратегический план.

Когда мы уже оканчивали школу, выяснилось, что моя

подруга одноклассница и однопартница Ольга Мельникова «идёт» на серебряную медаль. А у неё тройка по физре. Никак нельзя. Тогда мы и пошли с ней вдвоём к Леруну Рифовичу пересдавать ей физру. Учитель вник в ситуацию и сказал мне: «Наташа, следи, чтобы она забросила двадцать мячей в баскетбольную корзину. Как забросит, придёте ко мне». И дал мне ручку и блокнот для записей. Через три часа мы пришли к нему доложить о выполненной задаче. Это сейчас я понимаю, что можно было прийти через полчаса или сорок минут и соврать, что задание выполнено. Он бы всё равно Ольке четвёрку поставил.

Но я и в те то годы очень не любила врать, а сейчас вообще не вру никогда.

А Лерун Рифович учителем был замечательным!. Потому что подходил к ученикам индивидуально. Светлая ему память!

Как становятся писателями

Маленькая девочка Наташа очень любила свою маму. Когда Наташе было всего девять месяцев, бабуся увезла её из Москвы в деревню к своей сестре Кате на свежий воздух и парное молочко, потому что маме в Москве надо было ходить на работу. Наташа с бабусей прожили в деревне до осени. И потом каждый год ранней весной они уезжали в деревню на свежий воздух и парное молочко, а возвращались поздней осенью.

Наташа Саурина. Сразу видно – бу душий писатель

Наташа очень скучала по маме. Ей не хватало маминого голоса, маминого запаха, маминых рук, маминых ласковых прикосновений. Годика в три её усаживали в уголке деревенского дома рядом с печкой, давали ей карандаш и бумагу, и Наташа принималась писать письмо маме. Это письмо она писала каждый день и по несколько часов. Взрослые не могли нарадоваться, ребёнок был занят, тихо и смирно сидел в уголочке, никого не отвлекая от дел. Наташа росла спокойным ребёнком.

Бабуся всегда была рядом, Наташа очень любила её, но только внучкиной любовью, а маму любила дочкиной.

Летом в отпуск мама всегда приезжала в деревню. Наташа очень её ждала, считала денёчки до её приезда. А когда мама, наконец, приезжала, Наташа не могла насладиться общением с ней, они всегда были вместе. Потом мамин отпуск заканчивался, мама уезжала в Москву, а Наташа начинала мечтать, когда они с бабусей вернутся домой, и она снова увидит маму. Чтобы Наташа не очень скучала, бабуся снова сажала её за стол, давала карандаш и бумагу, и Наташа писала письмо маме. Для Наташи это был первый опыт писательства. Но что интересно, писать она так и не перестала. И пишет, и пишет, и пишет... Но только уже не письмо маме, а серьёзные книги. Написала уже двенадцать! Эта тринадцатая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.